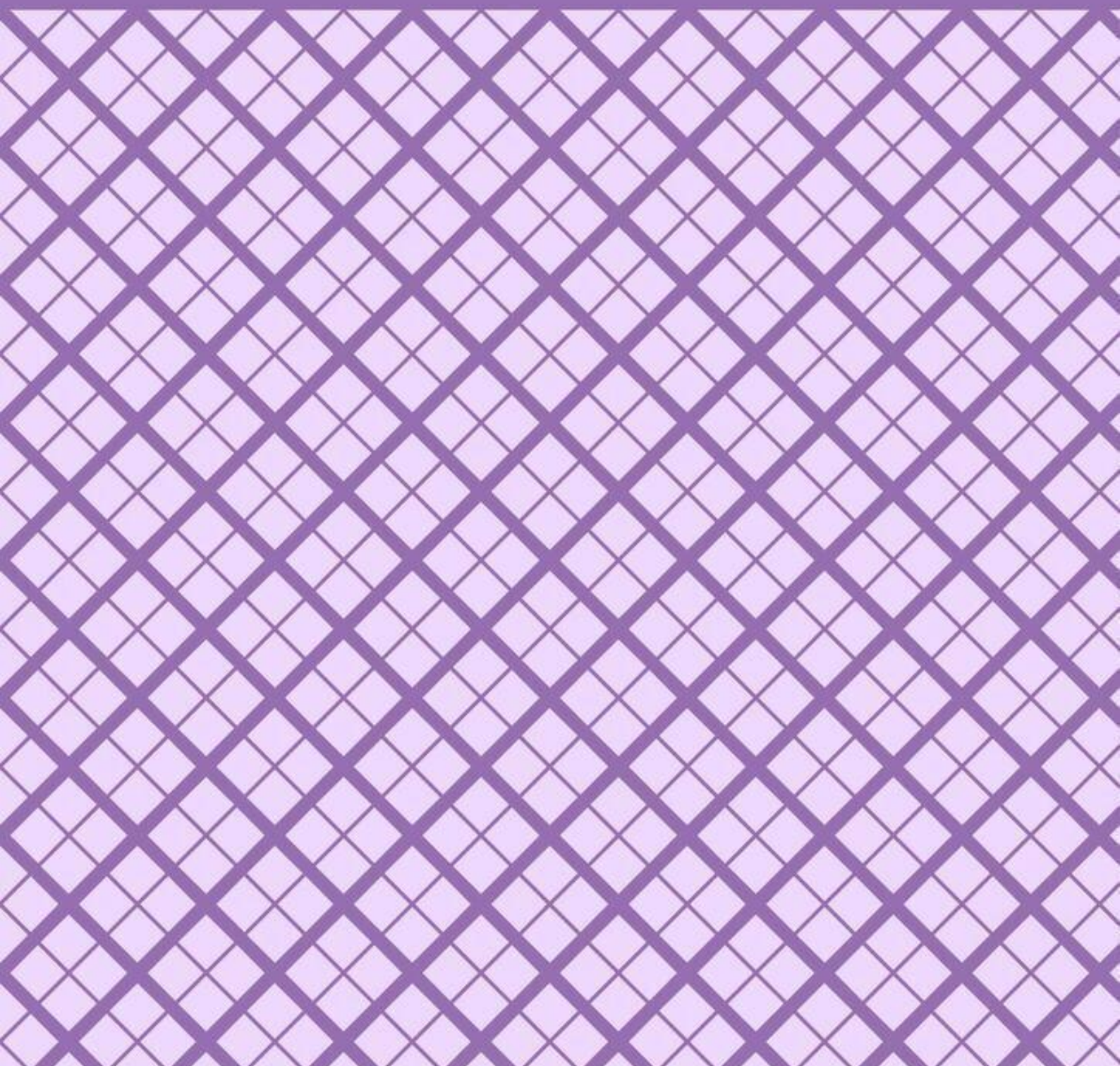

18+

Арина Лорель

Горькая сладость

Арина Лорель

Горькая сладость

«Издательские решения»

Лорель А.

Горькая сладость / А. Лорель — «Издательские решения»,

Кофе, деньги, любовь и предательство. Ариадна варит лучший кофе в городе, но её жизнь — сплошные счета. Марк Рейнер привык покупать всё, даже время. Их первая встреча — это взрыв, который изменит всё. Но когда миллиардер предлагает сделку, она понимает: у проблем нет цены, а у любви — нет условий. Современная драма о том, как одна чашка кофе с корицей может перевернуть две судьбы.

© Лорель А.

© Издательские решения

Содержание

Горькая сладость	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Горькая сладость

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0070-9102-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Горькая сладость

Глава 1

Стеклянная дверь «Арабики» ударилась об ограничитель с таким звоном, что на верхней полке жалобно звякнули чашки. Ариадна не подняла головы. Она стояла за массивной медной машиной — «La Marzocco» ровесницей её бабушки — и левой рукой регулировала помол, пока правой записывала заказ с планшета. Пять вечера. Час пик. Час клиентов, для которых кофе — просто коричневая вода с кофеином, а бариста — придаток к кассовому аппарату.

Она уже отбила за смену тридцать семь эспрессо, девятнадцать капучино и бесчисленное количество «рафов» с сиропом, который лично ненавидела. Лена, её напарница, ловко управлялась с выпечкой, но даже её беззаботный свист оборвался, когда в дверях появился он.

Воздух в зале будто сгустился. Не так, как перед грозой, а как перед ударом — когда в комнату входит человек, привыкший, чтобы ему уступали дорогу. Ариадна подняла глаза и замерла.

Этот человек не вписывался в «Арабику». Скандинавский минимализм с белыми стенами, тёплым деревом и живыми монстерами в углах требовал посетителей в льняных рубашках или шерстяных свитерах. А он был стальным прутком, воткнутым в сливочный крем. Чёрный костюм, белая рубашка, расстёгнутая на одну пуговицу, тонкий галстук сбился набок, будто он его душил и передумал. Волосы — тёмные, с преждевременной сединой на висках — растрёпаны собственными пальцами. Глаза... холодные, серые, но под ними залегли тени глубже, чем у неё самой после ночных дежурств в больнице у сестры.

— Ариадна, — шепнула Лена, не переставая улыбаться клиенту. — Это Рейнер. Марк Рейнер. Тот самый, из «Форбс».

Ариадна нахмурилась. Она видела это лицо на обложке делового журнала в супермаркете, когда покупала фруктовое пюре для Лизы. Тогда оно показалось ей отстранённым, фарфоровым. Теперь, вживую, оно было живым — и от этого ещё более пугающим.

Рейнер прошагал к стойке, не глядя по сторонам. Телефон в его руке был зажат так, что побелели костяшки. Второй рукой он провёл по лицу, будто пытался стереть невидимую паутину.

— Добрый вечер, — сказала Ариадна ровным голосом. — Что вам приготовить?

Он остановился. Уставился на неё. В её зрачках отразилась его собственная усталость. Бледное лицо с веснушками, рыжие пряди, выбившиеся из небрежного пучка, и тонкая линия губ, сжатых в ожидании.

Марк моргнул, фокусируясь.

— Американо. Двойной. Без сахара. И быстро.

Слова падали отрывисто, как камешки со скалы. Ариадна кивнула, взяла молоток для трамбовки кофе, но вместо того чтобы насыпать зёрна, задержалась. Она видела, как подёргивается мышца на его скуле. Как он сглатывает, будто внутри пересохло. И вдруг вспомнила: такое же лицо было у отца за месяц до того, как он сказал маме, что уходит.

Телефон Рейнера завибрировал. Он поднёс его к уху, не сводя с неё глаз.

— Я уже в пути, Дэвид. Нет, я не опоздал. Если они хотят подписать это дерьмо, пусть подождут пять минут. Скажи им, что я... — он запнулся, и в голосе прорезалась сталь, которую она не ожидала услышать от уставшего человека. — Что значит «срок истек»? Я плачу юристу, чтобы он выдумывал отсрочки, а не констатировал факты!

Он швырнул телефон на стойку. Тот соскользнул с мраморной поверхности и задел корзинку с ванильными палочками. Ариадна, даже не думая, поймала его в воздухе — рефлекс, выработанный за годы ловли тарелок, которые Лиза швыряла в приступках мигрени.

Рейнер удивлённо приподнял бровь.

— У вас хорошая реакция.

— У меня сестра бросает телефон в стену, когда у неё жар, — ответила она, возвращая аппарат на стойку. — Я привыкла ловить то, что дорого.

Она могла бы просто заварить ему чёрный американо — так требовал регламент. Но она вдруг отчётливо поняла: этот человек сейчас выпьет его, как яд, и выйдет на улицу, где его ждёт мир, который он ненавидит. И она могла бы дать ему что-то другое. Что-то, что бабушка называла «лекарством для души».

Ариадна отошла к холодильнику, достала свежее молоко из маленькой фермы, которое привозили по вторникам. Поставила большую керамическую кружку ручной работы — с неровным краем и трещинкой, которую она специально не выбрасывала, потому что та напоминала ей о несовершенстве жизни. Налила молока в питчер, включила пар. Обычно она делала микропену для латте, но сейчас действовала иначе: убавила мощность пара, ввела воздух медленно, почти нежно, и опустила в молоко палочку корицы — не молотую, а цельную, ту, что привезла из дома, с бабушкиной кухни.

Запах поплыл по залу — терпкий, древесный, с ноткой мёда. Лена покосилась с удивлением: Ариадна не нарушала рецепты никогда.

Рейнер нахмурился.

— Я заказывал американо.

— Вы заказали «быстро», — парировала она, не оборачиваясь. — Но ваше лицо говорит, что быстрый кофе вас убьёт. Или кого-то рядом.

Он открыл рот, чтобы возразить, но закрыл. Потому что она была права.

Ариадна заварила эспрессо из тёмной обжарки — бразильские бобы с шоколадной горчинкой. В готовый напиток влила молоко с корицей, но не торопясь, а так, чтобы создать плотную, бархатистую текстуру. Затем она взяла тонкую палочку и на поверхности пенки вывела рисунок: не сердечко, не листок, а крошечную пятиконечную звезду. Посыпала молотой корицей по краю.

— Ваш «Латте с корицей и вопреки правилам», — сказала она, ставя чашку перед ним. — Вы не обязаны пить.

Марк смотрел на звезду. Внутри что-то дрогнуло. Бабушка всегда рисовала звёзды на завтрак, когда он боялся идти в школу. Она говорила: «Смотри на звезду, Маркус, и любой день покажется сказкой». Он не вспоминал об этом двадцать лет.

Он поднёс чашку к губам, не думая, что обожжётся, и сделал глоток.

Мир остановился.

Тепло прокатилось по горлу, разлилось по груди, заставило сердце биться чуть медленнее. Вкус — глубокий, бархатный, с горчинкой эспрессо, которая таяла в медовой сладости, а потом взрывалась остротой корицы. Послевкусие осталось на языке, как от хорошего воспоминания.

Марк зажмурился. На миг он снова оказался в доме бабушки, где за окном падал снег, на плите кипел яблочный пирог, а на столе лежал школьный рюкзак, который никто не торопил его собирать. Там не было телефонов, контрактов, судов, китайских партнёров и проклятых откатов.

— Чёрт, — выдохнул он.

Ариадна нахмурилась, хотя сердце стучало чаще обычного.

— Не нравится?

— Нравится, — голос дрогнул, и она услышала в нём ту самую хрупкость, которую так боялась разбудить. — Как это называется?

— «Утренняя нежность». Так бабушка называла свой кофе.

Он усмехнулся. Первая улыбка за последние три месяца. Не дежурная, не для камер, а искренняя, почти мальчишеская. Ариадна почувствовала, как что-то сжалось у неё в груди. Эта улыбка не вязалась с его костюмом. Слишком человеческая.

Марк взял чашку и отошёл к дальнему столику, уткнувшись лицом в стену с граффити — там был нарисован огромный синий кит, плывущий среди облаков. Он пил медленно, почти ритуально. Телефон, оставленный на стойке, молчал — то ли Дэвид понял, что лучше не звонить, то ли время истекло окончательно.

Ариадна вернулась к работе, но краем глаза следила за ним. Она видела, как распрямляются его плечи, как исчезает жёсткая складка между бровями. «Действует, — подумала она. — Как на Лизу, когда я завариваю ей ромашку».

Через десять минут Марк встал, подошёл к стойке и поставил пустую чашку. Кружка была чистой, даже пенка съедена до последней капли — такого она не видела ни от одного взрослого клиента. Он вытащил бумажник, достал пачку стодолларовых купюр — пять штук, ровно пятьсот долларов — и положил на мрамор.

— Это слишком много, — сказала Ариадна. — Кофе стоит восемь пятьдесят.

— Это цена пяти минут покоя, — тихо ответил он. — Вы дали мне их. Купите сестре что-нибудь вкусное.

Она хотела отказаться, но он уже взял зубочистку, наклонился над верхней купюрой и нацарапал что-то на её поле. Затем аккуратно сложил деньги и подвинул к ней.

— Если захотите повторить эксперимент, — сказал он, глядя куда-то выше её плеча, — звоните.

И развернулся. Прошёл к выходу, толкнул стеклянную дверь, и холодный вечерний воздух ворвался в зал, смешиваясь с ароматом корицы. Дверь закрылась. Он ушёл.

Ариадна перевела дыхание и только тогда посмотрела на деньги. На верхней купюре, на бледно-зелёной бумаге, был выведен номер телефона. И надпись: «Марк. Для очень быстрых решений». Она перевернула банкноту. На обороте, почти невидимым нажимом, он дописал: «Или для медленных». Сердце пропустило удар. Не от денег — от того, что этот стальной человек вдруг оказался хрупким внутри.

Она сунула купюру в карман фартука и собралась протереть стойку, как вдруг заметила у края мраморной плиты чёрный прямоугольник. Телефон. Его телефон. Рейнер ушёл без него.

— Лена, — позвала она тихо. — Он забыл.

— Кто? — Лена подняла голову от кассы.

— Рейнер. Его телефон здесь.

Она взяла аппарат — тёплый, ещё хранящий тепло его ладони. Экран погас, но стоило слегка коснуться, как он засветился. Блокировка, но в углу высветилось уведомление: «Дэвид: Чёрт, Марк, где ты? Они уже уходят. Звони немедленно».

Ариадна замерла. Она могла бы догнать его — он ещё не ушёл далеко, машина наверняка ждёт у тротуара. Но она не сделала этого. Вместо этого она перевернула телефон, посмотрела на его строгий чёрный корпус и почему-то улыбнулась.

«Теперь у меня есть причина позвонить не по его номеру, а по-настоящему», — подумала она. И тут же одёрнула себя: глупости. Она бариста, он владелец корпораций. Между ними пропасть, которую не заполнишь даже самой лучшей чашкой кофе.

Но телефон она спрятала в ящик под кассой — до завтра.

За окном горели огни вечернего города, и где-то среди них, в такси или в чёрном внедорожнике, сидел Марк Рейнер и, должно быть, уже схватился за карман, обнаружив пропажу. Ариадна взяла в руки свою кружку с трещинкой, налила себе остатки молока и задумчиво сделала глоток.

Вкус корицы всё ещё держался на губах. И это было вкуснее любой зарплаты.

Глава 2

Ариадна проснулась за три минуты до будильника — привычка, вьёвшаяся в кровь за годы жизни в режиме «выжить». Она лежала на узком диване-книжке, который с утра превращался в подобие кровати, и слушала, как за тонкой стеной надрывно кашляет сосед — пожилой профессор, который пил по ночам и читал вслух стихи Блока. На потолке, над её головой, зияла трещина, очертаниями напоминающая Африку, и она уже знала все её изгибы наизусть.

Вчерашний день казался сном. Нелепым, цветным сном, в котором стальной человек с уставшими глазами пил её кофе и оставил целое состояние. Она зажмурилась и провела рукой по подушке, будто проверяя, не исчезнет ли утро, если она откроет глаза.

Не исчезло.

Купюра в пять тысяч лежала в кошельке, аккуратно сложенная пополам, чтобы не повредить бумагу. Она пересчитала её трижды, когда пришла домой, и ещё дважды перед сном. Потом долго смотрела на номер телефона, выведенный твёрдым, почти печатным почерком — «Марк. Для очень быстрых решений» и на обороте «Или для медленных».

— Глупость, — прошептала она в пустоту комнаты. — Просто глупость.

Её комната была крошечной: кровать-диван, старый платяной шкаф, стол с ноутбуком, на котором она иногда подрабатывала переводами, и полка с книгами — потрёпанные томики Чехова, Булгакова, пара сборников стихов. Единственной роскошью был большой акварельный рисунок на стене: Лиза нарисовала его год назад, до того как болезнь окончательно уложила её в больницу. На рисунке были две девочки — одна высокая, рыжая, с серьёзным лицом, и вторая, маленькая, с огромными глазами, — они держались за руки на фоне моря.

Ариадна коснулась пальцами бумаги.

— Я справлюсь, — прошептала она. — Мы справимся.

Она встала, прошла в крошечную кухню, поставила чайник. За окном ещё было темно, но вдаль уже серел рассвет. Город просыпался — первые автобусы, сигналы машин, крики чаек над набережной. Она сварила овсянку, добавила мёд и яблоки, нарезала хлеб, положила на тарелку два ломтика сыра. Всё это — для Лизы. Себе она оставила только чёрный кофе — на работе выпьет нормальный.

Она не позвонила Марку. И не собиралась.

В семь утра она уже стояла у плиты, помешивая кашу, когда из спальни донёсся тихий кашель. Лиза проснулась. Ариадна вошла с подносом и увидела сестру: тонкая, бледная, как фарфоровая кукла, которую случайно уронили и склеили обратно, но трещины остались. Лиза была младше на восемь лет, но болезнь, казалось, выпила из неё юность. Её глаза, большие и тёмные, всегда смотрели с благодарностью, которая разрывала Ариадне сердце.

— Доброе утро, соня, — сказала Ариадна, ставя поднос на тумбочку. — Я сварила твою любимую.

Лиза улыбнулась слабой, но тёплой улыбкой. Она лежала, свернувшись калачиком, с трубкой капельницы, вплетённой в руку — ночную, поддерживающую. Её волосы, раньше густые и каштановые, поредели, но она всё равно находила силы заплетать их в косичку.

— Ты опять не спала, — сказала Лиза, глядя на тени под глазами сестры. — Ари, ты как тень.

— Я твоя тень, — Ариадна поправила одеяло и погладила сестру по голове. — И я тебя никому не отдам. Сегодня пятница. Я возьму двойную смену, а вечером принесу тебе тот шарф, который ты хотела. Синий, с помпонами.

— Ари, не надо. Мне ничего не надо.

— Надо, — твёрдо сказала Ариадна. — Ешь овсянку. И не спорь.

Лиза послушно взяла ложку, но перед этим вдруг спросила:

— У тебя сегодня странный голос. Что-то случилось?

Ариадна замерла. Она хотела рассказать о Марке, о купюре, о кофе, о том, как вчера мир перевернулся на пять минут, но вместо этого просто улыбнулась и покачала головой.

— Всё хорошо. Просто устала. Но ты не переживай.

Она знала: если расскажет о деньгах, Лиза начнёт терзаться чувством вины, решит, что это из-за неё сестра принимает подачки. Поэтому она промолчала. Иногда ложь — это защита.

В больницу они поехали вместе. Ариадна везла Лизу в коляске — та была слишком слаба, чтобы идти, но врачи разрешали короткие прогулки до машины. Солнце только поднималось, и город пах свежестью и мокрым асфальтом. Лиза смотрела на пролетающих голубей и улыбалась чему-то своему.

В приёмном отделении Ариадна оставила сестру на попечение медсестры Ирины Петровны — единственной, кто понимал, что значит быть сиделкой без выходных. Ирина Петровна была женщиной лет пятидесяти, с короткой стрижкой и вечно уставшим лицом, но она всегда говорила Ариадне: «Ты иди работай. За Лизой я присмотрю. Дыши».

Ариадна вышла из больницы, сжав в руке бумажку со счётом. Немецкая клиника — две-сти тысяч евро. Срок — три месяца. Её зарплата в «Арабике» — тысяча в месяц, плюс чаевые, иногда удавалось взять дополнительные смены. Арифметика была жестокой: за три месяца она заработает три тысячи. Этого хватит на месяц аренды и еду, но не на операцию.

Она спрятала счёт в сумку и пошла к автобусной остановке. В голове крутились цифры, но ни одна комбинация не складывалась в правильный ответ.

В «Арабике» она была ровно в восемь. Дверь звякнула приветственно, запах свежемолотого кофе ударил в лицо — привычный, почти родной. Она надела форменный фартук, перевя-

зала волосы, проверила зерна, уровень воды, заварник. Руки делали всё автоматически, потому что это была та часть дня, где она могла не думать, а просто делать.

Но первым, кого она увидела на рабочем месте, был управляющий Андрей Викторович Тарасов. Он стоял у барной стойки с блокнотом и ручкой, сухой, высокий, с вечно недовольным выражением лица — как вяленая рыба, которую забыли убрать из холодильника. Он смотрел на неё с тем выражением, будто она опоздала на собственную казнь.

— Ариадна Громова, — произнёс он голосом, в котором слышалась многолетняя занудность школьного учителя географии. — Ко мне в кабинет.

Кабинет Тарасова был стеклянной клеткой: отсюда он мог наблюдать за всеми сотрудниками, как аквариум. Ариадна села на стул напротив него. Свет люминесцентных ламп резал глаза, и она вдруг почувствовала себя ученицей, которую вызвали к доске, а она забыла урок.

Он положил руки перед собой на стол, как прокурор, и заговорил:

— Вчера в 17:42 вы нарушили технологическую карту. Вы приготовили клиенту напиток «Утренняя нежность», которого нет в меню. Вы использовали мёд и корицу в количестве, превышающем допустимые нормы по себестоимости. Вы сделали это без согласования. Это не первое ваше нарушение, Ариадна.

Она молчала. Она знала, что оправдания бесполезны. Тарасов жил в мире правил, пунктов и подпунктов, и любое отступление от них было для него личным оскорблением.

— Кроме того, — он понизил голос, приблизившись, — я видел, что клиент оставил вам чрезмерные чаевые. Пятьсот долларов. Это превышает разумную благодарность. По внутреннему регламенту мы обязаны отчитываться о любых крупных суммах перед головной конторой. Это может вызвать вопросы.

Она подняла на него глаза. В них не было злости — только усталость.

— Андрей Викторович, — тихо сказала она, — этот клиент был в состоянии сильного стресса. Возможно, даже панической атаки. Я просто хотела помочь. Напиток стоил по себестоимости не дороже стандартного латте. Мёд я принесла свой, с пасеки дяди. Корица — моя, домашняя. Убытков компании нет.

— Дело не в убытках, — отрезал Тарасов, поправляя очки, которые вечно сползали на кончик носа. — Дело в системе, Ариадна. Если каждый работник начнёт импровизировать, мы превратимся в балаган. У нас есть меню, есть инструкции, есть регламент. И вы получите выговор. У вас уже два. Третий — увольнение.

Она кивнула. Первый выговор был за то, что она отдала бесплатный кофе бездомному старику, который замёрз у входа в ноябрьский холод. Второй — за то, что задержала закрытие на пятнадцать минут, чтобы выслушать девушку, которую бросил парень и которая плакала в углу зала. Тарасов не прощал «лишних эмоций».

— Я поняла, — сказала она, вставая.

— Свободны. И запомните: если этот господин Рейнер появится снова, вы обслуживаете его строго по карте. Никакой самостоятельности.

Она вышла из стеклянной клетки, сжимая кулаки. В зале уже играла лёгкая джазовая музыка, пахло свежим хлебом, за столиками сидели утренние сонные горожане — кто с ноутбуком, кто с книгой, кто просто с чашкой и тишиной. Ариадна надела фартук, затянула шнурки, поправила бейдж, и на её лице появилась та дежурная улыбка, за которой она годами прятала и усталость, и страх, и отчаяние.

«Выжить, — думала она, наливая молоко для первого заказа. — Просто выжить».

День пролетел в череде заказов: эспрессо, латте с соевым молоком, капучино с топлёным, два рафа с карамелью, один — с мятой. Руки делали своё дело — отмерить, смолотить, утрамбовать, пролить, вспенить, налить. Это был ритм, в котором не надо было думать о деньгах, о болезни, о звонке.

К трём часам она чувствовала, что ноги гудят, а спина горит огнём. Она зашла в подсобку, закрыла глаза на минуту и вдруг вспомнила: телефон. Тот самый, чёрный, строгий — он всё ещё лежал в ящике под кассой. Она зачем-то взяла его вчера, когда уходила, спрятала в сумку, а дома положила в кошелёк рядом с купюрой. Она даже не думала его включать, но сейчас, в тишине подсобки, она достала его.

Экран засветился. Блокировка. Но на уведомлениях высветилось: «5 пропущенных от Дэвида», «Сообщение: Марк, где ты? Твоя трубка не отвечает. Они подписали сделку без нас. Звони срочно». И ещё одно, часом позже: «Где твой телефон? Ты в порядке?»

Ариадна почувствовала, как к горлу подступил страх. Значит, он потерял что-то важное. Возможно, его компанию, контракт, миллионы. И она сидит здесь, с его телефоном, а он мечется по городу без связи.

Она взяла свой телефон, начала вводить номер, который был написан на купюре. Пальцы дрожали. Но она остановилась.

«Что я скажу? — думала она. — „Здравствуйте, я та самая бариста, я украла ваш телефон“? Это звучит как шантаж. „Вам нужен ваш телефон“? Это очевидно. Я не могу ему звонить. Я должна просто отдать аппарат в полицию или в его офис. Но я не знаю, где его офис...»

Она убрала оба телефона в карман и вышла к клиентам.

До конца смены она старалась не думать о нём, но его лицо — уставшее, с детской растерянностью в момент, когда он пил кофе — всплывало перед глазами. Она снова вспомнила его улыбку, ту единственную, почти мальчишескую, и сердце сжалось.

В автобусе, по дороге домой, она сидела у окна и смотрела на огни города. Она чувствовала себя крошечной в огромной круговерти, где у всех есть цель, а у неё — только долги и больничные счета. Но когда она открыла кошелёк и увидела синюю купюру, она подумала: «А что, если этот человек не просто богат? Что, если ему действительно плохо? Я видела его глаза. Такие глаза бывают у людей, которые потеряли что-то важное. Может быть, он ищет не телефон, а что-то другое?»

Она снова полезла за телефоном, решив на этот раз набрать номер, но в тот же миг её собственный завибрировал — звонила Ирина Петровна.

— Ариадна, — голос медсестры был напряжённым, — у Лизы поднялся жар. Тридцать восемь и пять. Мы делаем всё, что можем, но врач сказал, что вам лучше приехать.

Ариадна замерла. Мир сузился до одной точки: до палаты, градусника, до капельницы, до Лизиной руки, сжимающей простыню.

— Я еду, — сказала она и выскочила из автобуса на ближайшей остановке, побежала по тротуару в вечерней сумерке, забыв и о купюре, и о Марке Рейнере, и о его чужом телефоне, который лежал в кармане и молчал, как немой укор.

В палате было бело и тихо. Лиза лежала с закрытыми глазами, губы пересохли, лоб горел. Ариадна села на стул у койки, взяла сестру за руку и прошептала:

— Я здесь. Я всегда здесь. Ты только держись. Мы справимся.

Лиза слабо сжала пальцы в ответ. А за окном шёл дождь, и где-то в городе, в незнакомом мире дорогих машин и стеклянных башен, ходил человек, который потерял телефон, сделку и, возможно, последнюю надежду на что-то нормальное.

Глава 3

Понедельник встретил Ариадну серым, мокрым небом. Дождь барабанил по подоконнику, и в комнате было сыро и холодно. Она встала с дивана, чувствуя, как каждая кость ноет от усталости: Лиза всю ночь металась в жару, и Ариадна не сомкнула глаз. Она сидела у кровати сестры до пяти утра, меняла влажные полотенца, держала её за руку, пока температура не начала медленно падать. Врач сказал, что это кризис, но организм справился.

— Ты — мой ангел, — прошептала Лиза перед тем, как провалиться в сон, и Ариадна едва сдержала слёзы.

Теперь, стоя перед зеркалом, она видела своё отражение: бледное лицо, тени под глазами, растрёпанный пучок. Она выглядела как призрак, но улыбнулась себе — той улыбкой, которую носила как маску. «Ты справишься. Ты всегда справляешься».

В кофейне она появилась без пяти восемь, надеясь, что Тарасов не заметит её состояния. Но он стоял у входа с чашкой чая и окинул её оценивающим взглядом.

— Громова, вы выглядите так, будто ночевали в подвале. Соберитесь. Сегодня пятница, будет много людей.

— Андрей Викторович, я в порядке, — ответила она, проходя к своему месту.

Он недовольно хмыкнул, но больше ничего не сказал. Она надела фартук, проверила машину, насыпала свежие зёрна. День начинался как обычно: капучино, латте, эспрессо, пара смузи, один раф с кокосовым молоком. Руки работали на автомате, голова была занята другим: Лизой, счетами, а ещё — тем сероглазым мужчиной, который оставил телефон в её кармане.

Она всё ещё носила его с собой. Каждый вечер она смотрела на экран, видела пропущенные звонки и сообщения и чувствовала себя воровкой. Но она не знала, как вернуть аппарат, не выглядев при этом глупо. «Приходите за ним» — звучало как приглашение, которое она не была готова сделать.

В десять утра наплыв клиентов схлынул. Лена ушла на склад за сахаром, и Ариадна осталась одна за стойкой. Она перетирала чашки, когда стеклянная дверь снова ударилась об ограждение — тот же резкий звук, но теперь он не испугал её, а заставил сердце пропустить удар.

Она подняла глаза.

Марк Рейнер стоял на пороге. В том же чёрном костюме, но без галстука, верхняя пуговица рубашки расстёгнута, рукава закатаны до локтя. На лице — лёгкая щетина, будто он забыл побриться уже пару дней. Волосы растрёпаны сильнее, чем в прошлый раз. Он выглядел не как магнат с обложки, а как человек, который не спал вторую ночь, пытаясь удержать мир от разрушения.

Он подошёл к стойке, засунул руки в карманы брюк и остановился перед ней. Его взгляд был менее колючим, чем в прошлый раз, — в нём читалось что-то тёплое, почти робкое.

— Здравствуйте, — сказал он, и голос его прозвучал хрипло, как у человека, который долго молчал.

— Здравствуйте, Марк, — ответила она, и имя вырвалось само собой, без предупреждения.

Он улыбнулся — коротко, одними уголками губ.

— Я хочу повторить.

— Что повторить? — спросила она, хотя знала ответ.

— Тот напиток. «Утренняя нежность». Я не мог перестать о нём думать. Вы не позволили, и я решил, что если приду сам, мне не придётся ждать.

Ариадна почувствовала, как щёки запылали. Она бросила взгляд на стеклянный кабинет Тарасова — тот сидел за столом, уткнувшись в монитор, и не смотрел в их сторону. Она перевела дыхание и наклонилась к Марку, понизив голос:

— Слушайте, у меня выговор за тот кофе. Мне запретили готовить вам что-то кроме того, что есть в карте. Если Тарасов узнает, что я снова нарушила регламент, меня уволят.

Марк удивлённо приподнял бровь. В его глазах мелькнула тень понимания.

— Вы боитесь потерять работу?

— Я не боюсь, — отрезала она, но голос дрогнул. — Я не могу её потерять. У меня сестра. Ей нужна операция. Моя зарплата — единственное, что её держит.

Она сама не поняла, почему сказала это незнакомому человеку. Но он смотрел на неё так, будто каждое слово имело вес, и она почувствовала, что может быть честной хотя бы на мгновение.

Марк помолчал. Затем медленно кивнул.

— Тогда сделайте мне обычный кофе с молоком. Только... можно я попрошу вас добавить... ну, вы понимаете. Корицу. Я люблю корицу. Это не нарушит карту, если вы просто посыплете сверху?

Она смотрела на него. Он стоял, засунув руки в карманы, и ждал — непривычно смиренно, без той стальной жёсткости, что была в первый раз. И в этот момент она поняла: он пришёл не за кофе. Он пришёл за тем ощущением, которое она подарила ему случайно. За покоем. За теплом.

— Хорошо, — сказала она, нарушая приказ Тарасова, но уже почти не думая об этом. — Я сделаю кофе с корицей. Но скажите: как вы любите — слаще или горче?

— Как вы решите, — ответил он просто. — В прошлый раз вы угадали.

Она взяла молоко, нагрела его до шестидесяти пяти градусов — медленно, чтобы не перебить вкус. Добавила свежий эспрессо из бразильской обжарки, тонкую струйку мёда — меньше, чем в прошлый раз, чтобы сладость не затмевала горечь, и капельку ванили для глубины. Сверху она посыпала молотой корицей, но не фигурно, а просто кружочком, чтобы это не выглядело как нарушение.

Поставила перед ним чашку.

Марк взял её, сделал глоток и закрыл глаза. Молчание длилось почти минуту. Ариадна стояла, затаив дыхание, чувствуя, как стучит сердце.

— Знаете, — сказал он, открывая глаза, — я думал, что в прошлый раз мне просто показалось. Стресс, усталость, мозг сыграл со мной шутку. Но нет. Это реально. Это... как возвращение домой после долгой дороги.

Она почувствовала тепло внутри, но не позволила ему отразиться на лице.

— Я рада, что вам нравится, — сказала она сухо, уже поворачиваясь к следующему посетителю.

Но Марк не ушёл. Он отошёл к высокому столику у окна, поставил чашку, вытащил портативный компьютер и принялся работать. Он пил кофе медленно, иногда поглядывая на неё. Ариадна чувствовала его взгляд, но старалась не обращать внимания — у неё была работа, было два десятка заказов, и она не могла позволить себе отвлекаться.

Через полчаса он закрыл ноутбук, подошёл к стойке и положил деньги — ровно столько, сколько стоил кофе, плюс щедрые чаевые, но на этот раз без пафоса.

— Можно вас на пару слов? — тихо спросил он.

Она кивнула, отошла на шаг от кофеварки, чтобы их не слышали другие.

— Я сегодня свободен после семи, — сказал Марк. — Если вы передумали звонить, может, просто... поужинаем? Я угощаю. Без обязательств.

— У меня смена до восьми, — соврала она, хотя смена заканчивалась в шесть.

— Тогда завтра, — не сдавался он. — Или послезавтра. Я могу ждать.

— Марк, — она впервые произнесла его имя вслух так близко, и оно прозвучало как выдох, как что-то личное, — я... не могу. У меня сестра в больнице, я должна быть с ней. Вы очень щедрый, но давайте не будем усложнять. Я всего лишь бариста, а вы... вы из другого мира.

Он помолчал, глядя на неё с грустью, которая поразила её до глубины души.

— Я понимаю, — сказал он. — Я не настаиваю. Но я приду ещё. Ваш кофе — единственное, что работает в моём дне. И, кстати, вы не ответили на мой вопрос о телефоне.

Ариадна замерла. Она забыла, что он оставил телефон в прошлый раз, и теперь у неё внутри всё сжалось.

— Телефон, — повторила она, чувствуя, как краснеет. — Я... да, он у меня. Я хотела вернуть, но не знала как. Простите.

Она полезла в карман фартука, достала чёрный аппарат и протянула ему.

Марк взял его, и в его глазах мелькнуло облегчение.

— Спасибо, — сказал он, почти шепотом. — Вы даже не представляете, что для меня значит этот телефон. Там были контакты, без которых я не могу. Я уже думал, что всё потеряно.

— Я видела уведомления, — призналась она. — Про сделку. Вы всё уладили?

— Нет, — коротко ответил он. — Но это уже не важно. Я нашёл телефон. И сегодня, возможно, впервые за неделю выплыву. Спасибо вам.

Он развернулся, но на выходе задержался, оглянулся и бросил на неё долгий взгляд, который она запомнит надолго. А потом стеклянная дверь закрылась, и он ушёл, оставив запах корицы и дождя.

Ариадна стояла, глядя на пустой проём, и чувствовала, как в груди растёт тревожная пустота. «Зачем я ему сказала про сестру? — думала она. — Зачем я вообще с ним разговариваю? Это же не мой мир. Это кино, а я — статистка».

Она вернулась к работе, но мысли её были далеко. Она не заметила, что Тарасов вышел из стеклянной клетки и подошёл к стойке.

— Громова, — сказал он ледяным голосом, — вы снова общались с этим господином. Я видел, вы что-то передали ему. Это ваш знакомый?

— Нет, Андрей Викторович, — ответила она, стараясь говорить ровно. — Он потерял телефон в прошлый раз, я вернула.

— Телефон, — Тарасов прищурился. — А деньги, которые он вам оставил, вы тоже вернули? Нет? Тогда советую больше не вступать с ним в личные контакты. Я слышал, этот человек в центре скандала. Его компанию судят за уклонение от налогов. Если он привлечёт внимание к нашей кофейне, у нас будут проблемы. Вы меня понимаете?

Она кивнула, сжав зубы. Тарасов ушёл, но её сердце билось быстрее. «Скандал? Уклонение от налогов? Это ложь или правда?» Она не знала Марка Рейнера. Она видела его дважды. Но почему-то внутри неё шевельнулось желание защитить его, даже если он — чужой, далёкий и, возможно, опасный.

Остаток дня прошёл как в тумане. В шесть она сняла фартук, переоделась и поехала в больницу. Лиза выглядела лучше: жар спал, она сидела в постели и читала книгу.

— Ты сегодня грустная, — заметила Лиза, когда Ариадна села рядом.

— Просто устала, — ответила та.

— Ты врёшь, — сказала Лиза. — У тебя в глазах кто-то появился. Я знаю этот взгляд. Рассказывай.

Ариадна заколебалась. Она никогда не рассказывала Лизе о личной жизни — её просто не было. Но сейчас, глядя на сестру, она почувствовала, что может поделиться хотя бы частью.

— Понимаешь, — начала она, — в кофейню приходит один мужчина. Очень богатый. И он просит кофе, который я придумала для себя. Говорит, что это единственное, что его успокаивает.

— И что? — спросила Лиза, отложив книгу.

— Он приглашал на ужин. Я отказалась.

— Почему?

— Потому что... потому что это глупо, Лиз. Мы из разных миров. Он в центре скандала, у него проблемы, а у меня — ты и работа. Я не могу.

Лиза помолчала, потом протянула руку и накрыла ладонь Ариадны.

— Ари, — тихо сказала она, — ты всю жизнь работаешь на меня. Ты забыла, что такое жить для себя. Если этот человек делает тебе приятно — почему бы не попробовать? Ты заслуживаешь хотя бы один вечер.

Ариадна хотела возразить, но слова застряли в горле. Она посмотрела в окно: там, за стеклом, горели огни города, и где-то среди них, в дорогом ресторане или в пустой квартире, сидел Марк Рейнер и, возможно, думал о ней.

Она не знала, что делать. Но впервые за долгое время она почувствовала, что где-то впереди есть что-то, кроме долгов и больничных палат.

— Я подумаю, — прошептала она.

Глава 4

Марк пришёл во вторник. И в среду. И в четверг. Он сделался привычной частью зала «Арабики» — как старая ложка из обеденного набора, которую не замечаешь, но без которой не размешать сахар. Он заказывал кофе с молоком и корицей, садился за дальний столик у окна и работал. Иногда он подходил к стойке сказать пару слов — о погоде, о новостях, о том, как его поверенные «невыносимы и тупы, как пробки в час пик». Ариадна отвечала коротко, но с каждым разом её холодность отступала, как лёд под весенним солнцем.

Во вторник он принёс ей книгу — сборник стихов Анны Ахматовой.

— Прочитал на досуге, — сказал он, протягивая томик. — Подумал, вам понравится. У вас есть этот взгляд... я не знаю, как назвать. Мудрый, что ли.

Она взяла книгу, провела пальцем по потёртой обложке. На форзаце стоял его почерк: «Ариадне — чтобы помнила, что у каждой нити есть начало». Она не нашлась, что ответить, и просто улыбнулась — той улыбкой, которую не дарила никому, кроме Лизы.

В среду он пришёл раньше обычного, в девять утра, и застал её за чисткой кофеварки. Он стоял и молча смотрел, как её руки — ловкие, тёплые — протирают медные детали.

— Вы знаете, — сказал он, когда она подняла голову, — я вчера заказал тот же кофе в другом месте. Сказал: «Сделайте мне с корицей и мёдом». Они сделали. Это было ужасно. Приторно и бездушно. Как будто варили не для души, а для калорий.

— Место не делает вкус, — ответила она, заваривая ему свежую порцию. — Делает человек. Вы платите не за зёрна, вы платите за внимание.

Он задумался над этим и потом весь день сидел тихо, только иногда поглядывая на неё поверх экрана ноутбука.

В четверг произошло то, что она не ожидала. Он пришёл с букетом — не роскошным, не пафосным, а скромным букетом полевых ромашек, перевязанных бечёвкой.

— Это не подарок, — поспешно сказал он, видя её замешательство. — Это просто... они росли у дороги, когда я ехал. Я подумал, что у вас на работе не хватает цвета. Всё белое, серое, деревянное. А ромашки — живые.

Она взяла букет, и сердце её сжалось. Она поставила их в глиняный кувшин у кассы, и весь день, проходя мимо, вдыхала их терпкий, горьковатый запах. Лена смотрела на неё с понимающей улыбкой и ничего не говорила. Даже Тарасов, который обычно не замечал ничего, кроме цифр, бросил короткий взгляд на цветы и нахмурился, но промолчал.

Ариадна чувствовала, как что-то внутри неё оттаивает. Она не хотела этого. Она боялась надежды. Но Марк был настойчив, как весенний дождь, который пробивает асфальт, чтобы выросли цветы.

В пятницу она пришла на смену с припухшими глазами. Ночь была адской: Лиза перенесла очередную процедуру — забор костного мозга для анализов. Её стошнило прямо на Ариадну, и она плакала, извиняясь, а Ариадна держала её за руку и повторяла: «Ты не виновата, глупая. Я здесь. Я с тобой». Она не сомкнула глаз до пяти утра, а потом поехала на работу, потому что пропускать смену было нельзя.

Она стояла за кофеваркой, и руки дрожали, когда она трамбовала молотый кофе в рожке. Чайник выскользнул из пальцев и упал на пол с грохотом. Клиенты обернулись. Тарасов выглянул из стеклянной клетки с раздражённым лицом.

— Громова, соберитесь! — рявкнул он.

Но она не слышала. Она смотрела на осколки и думала, что так же легко рассыпается её жизнь, и она не знает, как её склеить.

Марк появился в этот момент, как всегда, в десять. Он увидел разбитый чайник, её трясущиеся руки и подошёл не к стойке, а обогнул её, зашёл за барьер — что было запрещено строжайшим регламентом — и положил руку ей на плечо.

— Вы не в порядке, — сказал он без вопросительной интонации. Это был не вопрос, а диагноз.

— Я в порядке, — выдохнула она, но голос сорвался, и она сама услышала, как фальшиво это звучит.

— Ариадна, — произнёс он её имя мягко, как врач, который уже знает диагноз, но хочет услышать его от пациента. — Я могу помочь? Скажите, что случилось. Я вижу, что вы не спали. Вы как тень, честное слово.

Она хотела отмахнуться, как отмахивалась от всех — от Лены, от Тарасова, от себя самой. Но на этот раз что-то сломалось внутри. Она отступила к стене за кофеваркой, в узкий закуток, где никто не видел, закрыла глаза на секунду, и слова потекли сами, как вода сквозь треснувшую плотину:

— У меня сестра. Рак крови. Ей нужна операция в Германии. Двести тысяч евро. У меня их нет. Я работаю по двенадцать часов, но это капля в море. А она лежит в палате, и каждый день она может не проснуться. Врачи говорят, что шансы есть, но сроки поджимают. У меня три месяца, Марк. Три месяца, чтобы собрать нереальную сумму. Я не знаю, что делать. Я не знаю, как жить дальше. Я просто... я так устала.

Она замолчала, закусив губу, чтобы не заплакать. Слезы подступили к глазам, но она не хотела плакать перед ним — перед человеком, который мог купить её жизнь одной сделкой.

Марк слушал, не перебивая. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах появилось что-то живое, почти мучительное. Он смотрел на неё так, будто видел её впервые — не как бариста, не как уставшую девушку, а как человека, который держит на руках весь мир и не просит помощи.

— Я понимаю, — сказал он тихо. — Я понимаю, что значит смотреть на человека, которого теряешь. Моя бабушка умерла у меня на руках. Рак. Мы перепробовали всё — лучшие клиники, лекарства, молитвы, знахарей. Я был беспомощен. Я был самым богатым внуком на свете, но я не мог купить ей ещё один день. Так же, как вы сейчас.

Он замолчал. В воздухе повисла тишина, нарушаемая только шипением пара из кофеварки. Ариадна подняла на него глаза и увидела, как его челюсть сжалась, как он сглотнул ком в горле.

— Она пекла яблочный пирог каждое воскресенье, — продолжил он, глядя куда-то сквозь неё, в прошлое. — И всегда добавляла корицу. Тот ваш кофе... он пах точно как её кухня. Поэтому я прихожу. Я ищу её в этом запахе. Глупо, да?

— Нет, — прошептала Ариадна. — Не глупо. Это самое человеческое, что я слышала за последние годы.

Они стояли в маленьком пространстве за стойкой, разделённые только гудением машины и собственным дыханием. Мир вокруг перестал существовать — посетители ждали своих заказов, Лена разбирала сахарные пакетики, Тарасов смотрел в монитор, но им было всё равно.

— Марк, — сказала она впервые без натуги, легко, как будто звала старого друга, — если вы хотите, я могу научить вас варить кофе так, как делала ваша бабушка. Не по книге, не по регламенту, а по памяти. Может, это поможет. Может, вы сможете восстановить тот вкус и забрать его с собой, чтобы он был с вами всегда.

Он удивлённо посмотрел на неё, приподняв бровь.

— Вы серьёзно? Вы предлагаете мне, состоятельному человеку, который может купить любую кофейню в этом городе, провести мастер-класс?

— Деньги не могут вернуть запах, — ответила она просто. — Только руки и сердце. И память. Вы помните её руки? Как она держала ложку, как насыпала муку?

Он закрыл глаза на мгновение, и его лицо расслабилось.

— Она делала это быстро, — сказал он. — И всегда напевала. Какую-то старую мелодию. Я не помню название.

— Вот, — Ариадна улыбнулась, и её улыбка была тёплой, как только что заваренный чай. — Это и есть рецепт. Мелодия и корицы чуть больше, чем написано. Я научу вас. Если вы позволите.

Он долго молчал, глядя на неё так, будто решал важнейшую сделку в своей жизни. А затем улыбнулся — той самой тёплой, мальчишеской улыбкой, которую она видела в первый раз, и от которой у неё замирало сердце.

— Тогда завтра, — сказал он. — У вас выходной? Я приеду за вами в десять утра. Мы поедем на мою кухню, я покажу вам бабушкин медный чайник, который висит у меня на стене уже двадцать лет. А вы покажете мне, как заваривать ту самую нежность.

Она почувствовала, как внутри всё дрожит от страха и радости одновременно.

— Я не уверена, что могу, — заколебалась она, вспомнив о Лизе, о больнице, о бесконечной гонке. — У меня сестра, я должна быть с ней...

— Ариадна, — перебил он, и его голос стал твёрже, но не жёстче, — я не предлагаю вам деньги. Я предлагаю вам... передышку. Пять минут покоя. Как тогда, в первый раз. Вам это нужно не меньше, чем мне. Может быть, даже больше. Один час. Дайте себе один час.

Она посмотрела в его глаза. Там не было гордости, не было превосходства. Там была только просьба — быть на равных, быть людьми, а не «работником за стойкой» и «особо важным гостем». И что-то в этом было честное, настоящее.

— Хорошо, — выдохнула она, и слово прозвучало как первый шаг с обрыва в неизвестность. — Завтра в десять. Я приду.

Он кивнул, сдержанно, но в его глазах мелькнула искра победы.

— Я пришлю машину. Не отказывайтесь.

— Я не откажусь, — сказала она, и сама удивилась своему согласию.

Остаток дня она работала как в тумане. Клиенты, заказы, чашки, молоко — всё смешалось в одну пеструю ленту. Но внутри неё жило странное чувство — смесь страха, надежды и лёгкого головокружения. Она не помнила, когда в последний раз соглашалась на что-то, что не касалось Лизы или работы.

В шесть часов вечера она сняла фартук, попрощалась с Леной и вышла из «Арабики». Но на пороге её остановил Тарасов.

— Громова, — сказал он, выходя следом на тротуар. — Ещё минута.

Она обернулась. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на неё с выражением, которое она не могла прочитать — смесь подозрения и любопытства.

— Я видел, что этот господин Рейнер снова подходил к вам сегодня. И вы стояли за стойкой слишком долго. Я не знаю, что вы обсуждали, но предупреждаю: если он замешан в каких-то делах, это может отразиться на репутации заведения. Вы понимаете?

— Андрей Викторович, — ответила она устало, — мы говорили о кофе. О рецептах. В этом нет ничего противозаконного.

— Я надеюсь, — сказал он, и в его голосе прозвучала угроза. — Потому что вы хороший бариста, Громова. Но я не потерплю, чтобы моя кофейня превратилась в место свиданий для сомнительных личностей. Завтра у вас выходной. Используйте его с умом.

Он развернулся и ушёл, оставив её стоять на тротуаре под вечерним дождём.

Ариадна сжала кулаки. «Сомнительных личностей», — повторила она про себя. — «Если бы ты знал, Андрей Викторович, что этот человек заплатил пятьсот долларов за кофе и подарил мне книгу стихов, ты бы, наверное, уволил меня сразу».

Она поехала в больницу. Лиза лежала в палате с книгой в руках, и когда Ариадна вошла, она сразу заметила что-то необычное в её лице.

— Ты улыбаешься, — сказала Лиза, откладывая том. — Я тебя такой не видела сто лет. Что случилось?

Ариадна села на стул, взяла сестру за руку и помолчала, собираясь с мыслями.

— Тот мужчина, из кофейни, — начала она, — он пригласил меня завтра на утро. К себе домой. Он хочет, чтобы я научила его варить кофе по рецепту его бабушки. И я согласилась.

Лиза широко раскрыла глаза.

— Он что, богатый? — спросила она.

— Очень. Но дело не в этом. Он... он потерял бабушку, Лиз. И он тоже знает, что такое смотреть, как уходит человек. Мы говорили об этом. Он единственный, кто не предлагал мне «держаться» или «не падать духом». Он просто сказал, что понимает. И я почувствовала, что не одна.

Лиза сжала её пальцы.

— Иди, — сказала она. — Иди и не думай обо мне. Я справлюсь одну ночь. Ирина Петровна будет рядом. Ты заслужила этот день.

— Но ты... — начала Ариадна.

— Я буду здесь, когда ты вернёшься, — перебила её Лиза. — Я никуда не денусь. А ты иди. И будь счастлива, хотя бы на один день. Ради меня.

Ариадна прижалась щекой к Лизезиной руке и почувствовала, как слёзы наконец вырвались наружу — не от боли, а от облегчения.

В ту ночь она не спала почти совсем. Она лежала на своём диване и смотрела на трещину на потолке, которая теперь казалась не Африкой, а очертанием сердца. В голове крутились вопросы: что надеть, что сказать, стоит ли вообще это делать. Но когда за окном начал сереть рассвет, она встала, выбрала самое скромное платье — льняное, цвета молока — и завязала волосы в свободный пучок.

В девять утра ей пришло сообщение с незнакомого номера: «Машина у вашего подъезда. Чёрный „Мерседес“. Водитель будет ждать, сколько нужно. Марк».

Она выглянула в окно и увидела длинный чёрный автомобиль, припаркованный у тротуара. Сердце забило быстрее, но она сделала глубокий вдох, взяла сумку, в которой лежала

баночка домашней корицы — на всякий случай — и вышла в утро, пахнущее дождём и надеждой.

Когда она села в мягкое кожаное сиденье, водитель вежливо кивнул, и машина бесшумно тронулась. Город проплывал за стеклом, а Ариадна смотрела на свои руки и думала: «Что я делаю? Куда я еду? С кем я еду?»

Но внутри неё жил маленький голос, который шептал: «Ты едешь туда, где тебя ждут. Не как бариста. Не как сиделку. Как человека. Просто человека».

И этот голос был громче всех страхов.

Субботнее утро встретило Ариадну серым, тягучим светом, который пробивался сквозь занавески. Она стояла перед зеркалом в прихожей своей крошечной квартиры и смотрела на своё отражение. Льняное платье цвета топлёного молока, свободный пучок, минимум косметики — только тушь, чтобы скрыть следы бессонницы. Она выглядела не как девушка, которая едет в гости к миллиардеру, а как женщина, которая идёт на важный разговор, но сама не знает, о чём будет говорить.

В кармане платья лежала баночка с корицей — её личная, с пасеки дяди, которую она берегла для особых случаев. И книга стихов Ахматовой, которую он подарил. Она взяла её с собой, сама не зная зачем — может быть, чтобы было что вернуть, а может, чтобы напомнить себе, что он видел в ней что-то, кроме усталости.

Ровно в девять тридцать за окном раздался шум мотора. Она выглянула в окно и увидела чёрный «Мерседес» — не тот ослепительно дорогой, что паркуются у дорогих ресторанов, а скорее элегантный, сдержанный, как сам его хозяин. Из машины вышел Марк. Он был в простых тёмных джинсах, белой рубашке с закатанными рукавами и лёгкой куртке-кожанке. Без пиджака, без галстука. Он выглядел моложе, почти мальчишеским, и от этого у Ариадны ёкнуло сердце.

Он поднял голову на её окно, увидел её силуэт и улыбнулся — открыто, беззащитно, так, как улыбаются старым друзьям после долгой разлуки.

Она спустилась, и он открыл перед ней дверцу.

— Вы удивительно пунктуальны, — сказала она, садясь в мягкое кожаное кресло, которое пахло дорогим парфюмом и свежестью.

— Я учусь не опаздывать, — ответил он, садясь за руль. — Это мой личный вызов. Раньше я считал, что время — это ресурс, который надо выжимать до капли. Теперь я понимаю, что время — это пространство, которое надо заполнять смыслом.

Она посмотрела на него с удивлением.

— Вы изменились за неделю.

— Это вы изменили меня, Ариадна. Или, по крайней мере, напомнили, каким я был до того, как стал тем, кого все ненавидят.

Они поехали в центр города. Машина скользила по мокрым после ночного дождя улицам, и Ариадна смотрела на проплывающие витрины, на людей с зонтами, на серое небо. Она не спрашивала, куда они едут, потому что доверилась ему — впервые за долгое время.

Квартира Марка находилась на последнем этаже сталинского дома в центре, с высокими потолками и огромными окнами. Когда лифт открылся, и она ступила в его пространство, первое чувство было — пустота. Не та пустота, что от бедности, а та, что от одиночества, которое не хочет заполняться вещами. Стены были серыми, почти бетонными, мебели — минимум: большой диван, стеллаж с книгами, огромный стол с ноутбуком. На полу лежал персидский ковёр, который, наверное, стоил как её квартира, но он казался здесь чужим, как музейный экспонат.

Зато кухня была другой. Она занимала отдельное пространство с окном во двор, и там царило тепло. Деревянные полки с глиняной посудой, медные кастрюли, подвешенные к потолку, и главное — на рабочем столе стоял старый медный кофейник с отбитым носиком, заклеенным синей изолентой, и рядом — фарфоровый чайник с трещиной, которую когда-то аккуратно заделали серебром.

— Это бабушкин, — сказал Марк, проследив за её взглядом. — Она привезла его из Одессы в семьдесят пятом. Он пережил всё — две войны, три переезда, мои детские истерики, когда я швырял его об пол. Она его склеивала каждый раз и говорила: «Вещи, как люди, — если их любить, они выживают».

Ариадна провела пальцем по шершавой меди. От него веяло стариной, теплом, жизнью. Она вдруг поняла, почему он не выбросил этот старый хлам: он был единственным, что связывало его с прошлым, где он был просто Маркусом, а не Рейнером из «Форбс».

— Хорошо, — сказала она, поворачиваясь к нему. — Давайте сделаем это по-настоящему. Я буду учить вас, а вы рассказывайте о ней. О каждой детали, которую помните.

— У нас есть час, — сказал он, глядя на неё с теплотой.

— Нам хватит, — ответила она. — Главное — не время, а внимание.

Она достала из своей сумки небольшой мешочек — там была её собственная обжарка, которую она сделала на маленькой сковородке прошлым вечером, пока Лиза спала. Пахло шоколадом и орехами. Затем она достала мёд — густой, янтарный, с пасеки её дяди, — палочки корицы, ванильный стручок и маленькую баночку с тростниковым сахаром.

— Вы удивите меня, — усмехнулся Марк, наблюдая за этим ритуалом.

— Смотрите, — начала она, ставя кофейник на плиту и зажигая медленный огонь. — Главное не температура, а дыхание. Когда вы завариваете кофе, вы должны думать только о нём. И о человеке, которому вы его готовите. Ваша бабушка, когда варила для вас, думала о маленьком мальчике, который боялся темноты. Она знала, что каждая ложка, каждое движение — это «я здесь, я люблю тебя, ты в безопасности».

— А вы о ком думаете, когда варите? — спросил он тихо.

Она замерла на мгновение, но продолжила.

— О своей сестре, — ответила она. — Или о клиентах, которым нужна не просто чашка кофе, а передышка. Вы, например.

Он ничего не сказал, но его взгляд стал мягче.

Она учила его, как разогревать кофейник на медленном огне, чтобы медь прогрелась равномерно. Как всыпать молотый кофе — не засыпать, а именно всыпать, как будто сеешь зёрна. Как ждать, пока появится первая пенка, и трижды снимать с огня, чтобы напиток насытился воздухом и не перегорел. Как добавлять молоко, нагретое не до кипения, а до состояния, когда оно только начинает парить.

Марк слушал, как ребёнок, и старательно повторял каждое движение. Его руки дрожали — не от слабости, а от волнения, от попытки удержать ускользающую память. Но он делал всё правильно, почти идеально.

— В детстве я боялся темноты, — сказал он, помешивая кофе медленной палочкой. — Не просто боялся, а впадал в истерику. Мать считала, что это слабость, и запирала меня в комнате с выключенным светом, чтобы я «закалялся». Бабушка, когда узнала, чуть не убила её. Она сказала: «Маркус, выпей глоток моего кофе, и страх уйдёт». И он уходил. Потому что она была рядом. Я пил этот кофе и знал, что мир не рухнет, пока она держит чашку.

— Как вы её потеряли? — спросила Ариадна, не оборачиваясь.

— Рак, — ответил он коротко. — Быстро. Четыре месяца от диагноза до конца. Я тогда только начал свой бизнес, думал, что деньги решат всё. Я нанял лучших врачей, купил лекарства, которые стоили как дом. Но она умирала у меня на руках, и я не мог купить ей ни одного лишнего дня. После её смерти я стал тем, кого вы видите. Стальным, холодным, закрытым. Потому что мир, где можно потерять самое дорогое, — он не заслуживает тепла.

Он замолчал. Тишину нарушало только шипение кофе.

Ариадна подошла ближе, встала рядом. Их плечи почти касались.

— Моя мама умерла, когда я была в вашем возрасте, — вдруг сказала она, глядя в окно. — У неё был инсульт. Внезапно. Забрали скорую, и через час её не стало. Я училась тогда на первом курсе. Отец был в командировке — он работал на стройке в Сирии, — и ему сказали только через две недели. А через месяц он сам пропал без вести. Так что я тоже умею убегать в запахи. Потому что в них — единственное, что не может умереть.

Марк остановился и повернулся к ней. Расстояние между ними сократилось до полуметра. Она видела его глаза — серые, с золотистыми искрами, которые появлялись только на солнце. Он смотрел на неё так, будто видел впервые.

— Значит, мы оба прячемся, — сказал он, и голос его был хриплым. — Я в деле, которое меня душит, вы — в работе, которая вас убивает. Но почему, чёрт возьми, я чувствую себя спокойнее рядом с вами, чем в своей спальне? Я не понимаю этого.

— Потому что мы не притворяемся, — ответила она тихо. — Вы не играете роль «успешного человека», я не играю роль «счастливой девушки». Вы раздражённый, я уставшая. И мы не прячем это друг от друга. Это и есть настоящая близость, Марк.

Он протянул руку и коснулся её пальцев — легко, почти невесомо. Её сердце пропустило удар. Но она не отстранилась.

— Давайте закончим, — сказала она, отводя взгляд. — Ваша бабушка ждала этот кофе много лет.

Он убрал руку, и они вместе довели напиток до конца. Ариадна добавила мёд, палочку корицы, чуть ванили. Потом сняла с огня, налила в те самые чашки с трещинами — большие, керамические, с выщербленным краем.

Марк сделал глоток, и его лицо изменилось. Сначала он замер, потом закрыл глаза, и по его щеке скатилась слеза — одна, единственная, которую он не стёр, не спрятал.

— Она здесь, — прошептал он. — Чёрт возьми, она здесь. Ты сделала это, Ариадна. Ты вернула её мне.

Она смотрела на него, и внутри неё всё дрожало. Она не знала, что сказать. Она просто стояла рядом, пока он плакал — беззвучно, взрослыми слезами, которые копились десятилетиями.

Они сидели на его огромной кухне, пили этот кофе и молчали. Но тишина не давила — она была тёплой, как одеяло, которым укрываешься в холодную ночь.

Через час он отвёз её в больницу. Когда машина остановилась у входа, он заглушил двигатель и повернулся к ней.

— Я хочу, чтобы вы знали, — сказал он, глядя прямо ей в глаза. — Я не даю обещаний, потому что они меня сковывают и превращают в должника. Но я обещаю вам — ваша сестра получит помощь. Я оплачу её операцию. Полностью.

Ариадна почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— Марк, нет, — сказала она, и голос её дрогнул. — Я не продаю себя за деньги. Вы не можете купить меня или мою сестру. Это будет как...

— Как что? — перебил он. — Как сделка? Ариадна, посмотри на меня. Я предлагаю не сделку. Я возвращаю долг. Вы дали мне покой. Вы дали мне мою бабушку обратно — в этой чашке, в этом запахе. Это стоит больше, чем любые деньги в мире. Я не покупаю вас. Я просто... я хочу, чтобы вы перестали бояться, что завтра её не станет. Я хочу, чтобы вы вздохнули. Позвольте мне это. Без условий. Просто так.

Она смотрела на него, и внутри неё боролись гордость и отчаяние. Она хотела отказаться, хотела сказать, что не может принять такую помощь, что это унижительно, что она ничего ему

не должна... но она посмотрела в его глаза и увидела там не жалость, а искреннее желание сделать её жизнь легче. Без расчёта, без надежды на ответное чувство.

Отчаяние победило.

— Если вы это сделаете, — прошептала она, и в голосе её слышалась дрожь, — я буду вашим должником навсегда. Я не смогу вернуть вам эти деньги никогда.

— Тогда мы квиты, — усмехнулся он, но в усмешке была грусть. — Потому что я ваш должник уже сейчас. Вы дали мне то, что не купить ни за какие миллиарды. И если вы считаете это долгом, то он давно закрыт.

Он вышел из машины, обошёл её и открыл дверцу. Помог ей выйти, и на мгновение их руки соприкоснулись. Она подняла на него глаза.

— Спасибо, — сказала она, и это слово прозвучало как самое тяжёлое и самое лёгкое одновременно.

— Я свяжусь с вами завтра, — ответил он. — Врачи, переводы, документы — я всё организую. Вам останется только подписать бумаги. И быть рядом с ней.

Он развернулся, но перед тем, как сесть в машину, обернулся и улыбнулся.

— Бабушка, когда увидела, что я плачу, всегда говорила: «Слёзы, Маркус, — это вода для души. Без них ничего не растёт». Я запомнил.

Он уехал. Ариадна стояла у входа в больницу, сжимая в руке баночку с корицей, которую он попросил оставить ему «на память», и книгу стихов, которая теперь пахла его домом. Внутри неё зарождалось что-то опасное — надежда. И страх, что она разобьётся о суровую реальность.

Она вошла в палату. Лиза спала, укрытая белоснежным одеялом, и выглядела такой беззащитной, что Ариадна села на стул и тихо заплакала — впервые за долгие месяцы не от боли, а от облегчения.

В её кармане завибрировал телефон. Она достала его — сообщение от незнакомого номера. Она открыла: «Это Дэвид, помощник Марка. Господин Рейнер поручил мне начать оформление вашей сестры в клинику „Шарите“ в Берлине. Завтра в 10:00 я приеду за вами, чтобы забрать документы. Он просил передать: „Чайник ждёт вас снова“.»

Ариадна улыбнулась сквозь слёзы. Мир вдруг стал меньше и больше одновременно. Меньше — потому что всё, что имело значение, уместилось в словах «ваша сестра получит помощь». Больше — потому что в нём появилось место для чего-то нового. Для человека, который смотрел на неё как на равную.

Она посмотрела на спящую Лизу и прошептала:

— Мы выживем. Мы будем жить. Я обещаю тебе.

Глава 5

Прошло три дня. Три дня, которые растянулись в бесконечность, как резиновая лента, готовая лопнуть. Ариадна почти забыла о его обещании — слишком часто ей обещали и слишком редко выполняли. Она приходила в больницу после смены, сидела у постели Лизы, держала её за руку и слушала, как капельница отсчитывает секунды жизни. Лиза становилась всё слабее, её дыхание было поверхностным, а кожа — почти прозрачной. Врачи говорили, что время уходит, что нужно принимать решение, но Ариадна только кивала и продолжала ждать — чуда, денег, знака.

Она не говорила Лизе о Марке. Зачем будить надежду, если она может не сбыться?

Вечером во вторник, когда Ариадна уже собиралась уходить из больницы, ей позвонила главный врач отделения, Светлана Михайловна. Обычно строгая, немногословная женщина с седыми волосами и вечно уставшими глазами, сегодня она говорила растерянно, почти испуганно:

— Ариадна Громова? У нас к вам срочный вопрос. Сегодня утром на счёт нашей больницы поступил перевод... без указания отправителя. Двести тысяч евро. Назначение — «Лечение пациентки Елизаветы Громовой». Мы проверили, деньги настоящие, из швейцарского банка, все документы в порядке. Вы знаете что-нибудь об этом?

Ариадна замерла. Телефон выпал из ослабевшей руки, ударился о больничный пол, но она не заметила. Она слышала только гул в ушах и бешеный стук сердца, который, казалось, заглушал все звуки мира.

— Алло? Алло! — кричала трубка голосом Светланы Михайловны. — Ариадна, вы меня слышите?

Она наклонилась, подняла телефон трясущейся рукой и поднесла к уху.

— Я... я слышу, — выдавила она, и голос её дрожал. — Я не знаю, кто отправитель. Но, наверное, догадываюсь. Спасибо, Светлана Михайловна. Это... это хорошие новости.

— Да, — смягчилась врач, и в её голосе впервые за много лет послышалась теплота. — Мы начинаем подготовку к пересадке. Завтра приедет специалист из Берлина, профессор Вайс. Он будет вести вашу сестру. Ариадна, я не знаю, что вы сделали, но... ваша сестра будет жить. Она будет жить.

Ариадна положила трубку и рухнула на стул в больничном коридоре. Слезы полились — не тихие, сдерживаемые, а громкие, разрывающие, которые она копила годами. Она рыдала, закрыв лицо руками, вздрагивая всем телом, и ей было всё равно, что мимо проходят медсёстры, пациенты, что кто-то оглядывается. Мир сузился до одной единственной мысли: «Лиза будет жить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.